

**ТРУДОВОЕ ВОСПИТАНИЕ ДЕТЕЙ В КУМЫКСКОЙ СЕМЬЕ.
XIX – начало XX века**

*(Исследование проведено при финансовой поддержке РГНФ,
проект № 12-01-18032)*

Семья является одним из основных видов социальной структуры, центром создания родственных связей и поддержания уже существующих родственных отношений. В XIX – начале XX в., как правило, большая (полная или неразделённая) семья, состоящая из нескольких малых семей, – была основной производственной единицей общества. В предложенный нами исторический отрезок у кумыков существовали две формы семьи: большая (неразделённая) и малая. Часть семей также можно было отнести и к третьей форме – «переходной», так как эти семьи были не большими и не малыми, а переходными от первых ко вторым. Это выражалось в том, что разделившись в хозяйственном отношении, сыновья селились возле отцовского дома, сохраняя тем самым локальное единство.

В данной статье мы не ставим перед собой цели дать полную характеристику строения семьи, её типа или состава, поэтому мы не будем более подробно раскрывать данный вопрос, а перейдём к интересующей нас теме – трудовое воспитание детей в кумыкской семье.

Взгляды кумыков на воспитание

«Воспитание» в контексте русской лексики происходит от слов питание, пропитание, питать, и не только в смысле обеспечения пищей, но и в значении «обучить, вырастить», «создать условия», «прививать навыки» и т.д. (*Ефрон И.А.*, 1892. С. 279; *Даль В.*, 1955, С. 249; *Ожегов С.И.*, 1953. С. 82). Также можно предположить, что во всех этих случаях под словом «воспитание» подразумевается – обучение ребёнка труду, навыкам труда и трудолюбию (*Мафедзев С.Х.*, 1984. С. 15).

Воспитанием детей кумыки начинали заниматься с раннего детства. Помимо простой заботы о биологическом развитии ребёнка родители воспитывали в нём такие моральные и нравственные качества, как честность, порядочность, трудолюбие, уважение и почитание старших, у мальчиков – достойное отношение к женщинам, у девочек – уважение к мужчинам. Иначе говоря, шло воспитание не только целого комплекса трудовых умений и навыков, но и обучение кумыкскому этикету и культуре общения.

Дети, которые уваливали от работы, ленились, не выполняли поручения старших, не были трудолюбивыми и работящими, получали самую нелестную оценку, осуждались народом и были позором семьи. Таких неумёх и лентяев часто награждали обидными прозвищами: «эринчек» (лентяй), «иш суймес» (ленивый), «гъавайын ашавуч» (дармоед), «юхулу» (сонный) и т.д. «Ишлейгенде маймакълай, ашайгъанда ойнакълай» (на работе ковыляет, когда ест – резвится) – говорили кумыки.

В кумыкской семье детские руки находили большое применение. Мальчики ухаживали за домашними животными, пасли скот, водили лошадей на водопой, рубили дрова, приносили воду, помогали взрослым мужчинам во время полевых работ. Девочки помогали матерям, убрали в доме, учились шить, штопали одежду, занимались рукоделием. Основной обязанностью девочки считался присмотр за младшими детьми. К 10–12 годам кумыкские дети умели многое и были хорошими помощниками в домашнем хозяйстве.

Мальчики и девочки до семи лет воспитывались совместно, находясь на попечении женщин (матери или старшей сестры). После семи лет мальчиков отделяли от девочек и они (мальчики. – Авт.) «... поступали в руки мужчинам (отцу, деду, дяде, редко старшему брату. – Авт.), которые обучали их владеть ножом и попадать им в цель. Когда они подрастали, то вместо ножа давали им для упражне-ния кинжал» (*Ногмов Ш.*, 1959. С. 80).

Мальчиков обучали не только владению ножом и кинжалом, но и владению орудиями труда. Учили, как правильно обращаться с вилами, топором, косой, серпом и т.д. Большое значение придавалось тому, как использовалось это орудие труда. Например, нож, как и любой другой предмет, имеющий остриё, нельзя было передавать из рук в руки острым концом вперёд. Если остриё случайно, по какой-либо причине, направлялось на стоящего напротив, то следовало

немедля воткнуть остриё в землю или, если это было невозможно, прислонить предмет к стене остриём вниз, сопровождая действие извинением или соответствующей молитвой.

Некоторые орудия труда, такие, как вилы и косы, следовало носить на плече таким образом, чтобы лезвие было как можно выше относительно древка. Во время перерыва в работе косы, вилы, серпы и лопаты не оставляли лежать на земле или в траве, а подвешивали на ветке дерева, втыкали в землю или прислоняли к забору, стене дома, сарая и т.д.

Каждый юноша должен был быть обучен трудовому этикету. Большую роль в обучении физически развитых, морально и нравственно устойчивых молодых людей имел положительный пример старших, их трудолюбие, сила, трудовые навыки, честность и мужество.

У кумыков, впрочем, как и у других народов Дагестана и Северного Кавказа, долгое время трудолюбие оставалось основным оценочным критерием воспитанности человека. Умение и желание трудиться прививались ребёнку чуть ли не с рождения: «Ишлемеген тишлемес» (дословно: Не работавший не будет есть или: кто не работает – тот не ест).

Труд выступал не только целью, но и средством воспитания, а трудолюбие, умение хорошо и плодотворно работать, делая дело с удовольствием – это итог, результат трудового воспитания. К тем, кто пренебрегал физическим трудом или занимался им с явной неохотой, общество относилось неуважительно (*Ногмов Ш.*, 1959. С. 85). Такой юноша, будучи плохим работником, становился незavidным женихом. «Арпадан пилав этген де или бар, дюгюден талав этген де бар» – Всё зависит от умелых рук (дословно: есть приготовивший плов из ячменя, и есть из риса, сделавший горе) – говорили кумыки о плохих работниках.

В глазах кумыкской женщины в мужчине ценились не только красота, смелость, мужество, умение вести себя, финансовая состоятельность, но и трудолюбие.

«Не хочу я, мама, богатого замужества;

Не хочу я замужества затянутого в талии мужа;

Я хочу, мама, мужа со стальным цветом лица;

Я хочу, мама, мужа оборванного, как облезлый старый волк;

Облезлого, всклоченного, оборванного...» (*Ошаев Х.Д.*, 1929. №6).

Нельзя обойти стороной различие в системе трудового воспитания между семьёй кумыкского «знатного дворянина» и методами трудового воспитания в семье кумыкского «вассала», т.е. представителя трудового народа (*Мафедзев С.Х.*, 1984. С. 17). Отмечая это, также необходимо сказать, что «с иностранными русскими путешественниками, историками и даже миссионерами большей частью встречались и контактировали представители социально продвинутых классов, и, следовательно, их дневниковые записи, в основном, строились по материалам, в которых представало высшее сословие» (*Мафедзев С.Х.*, 1984. С. 20).

В богатой и знатной феодальной семье воспитание сына сводилось к тому, чтобы вырастить воина, наездника, управленца и хозяина. В крестьянских же семьях стремились вырастить и воспитать кормильца, трудолюбивого и грамотного в хозяйственных делах работника, который будет в состоянии прокормить семью.

Об этом классовом различии в воспитании детей у горцев пишет и автор середины XIX в. Н. Данилевский: «Между горцами только дети простого народа или бедных жителей воспитываются в родительском доме и готовятся более к сельским работам» (*Данилевский Н.*, 1846. С. 142). Это свидетельствует об изолированности воспитания между детьми княжеско-дворянской знати и крестьянскими детьми. Также данное свидетельство автора говорит о том, что дети из знатных кумыкских семей (прежде всего засулакских) с определённого возраста отдавались на воспитание в другую семью. А.М. Буцковский, например, в 1812 г. писал о кумыках: «Они, подобно сим (имеются ввиду другие соседние народы. – Авт.), сыновей своих отдают с малых лет в чужие руки на воспитание...» (*Буцковский А.М.*, 1812. С. 241). Так же в 1846 г. М.Б. Лобанов-Ростовский пишет о кумыках: «...князя отдавали сыновей своих с первого детства в дом почётного сала узденя на воспитание; возросши в семье своего наставника, окружённый неусыпным попечением всех домашних, молодой князь на всю жизнь сохранял непоколебимую привязанность к семье своего воспитателя. Аталык, так зовётся воспитатель, пользовался всегдашним уважением воспитанника, и в случае, когда он делался сиротой, имел участие в управлении его имением и присмотре за его хозяйством. Дети аталыков (эмчеки), товарищи молодого князя, почитались последним наравне с родными братьями» (*Лобанов-Ростовский М.Б.*, 1846. № 38).

Первоначально в семье аталыка заботу о воспитаннике поручали кормилице и специально назначенным женщинам (жене, сестре аталыка), далее, по достижению сознательного возраста, его воспитанием начинал заниматься непосредственно сам аталык. Какие-либо встречи ребёнка с

родителями, также, как и посещение родителей дома аталыка, были под запретом. Такие посещения могли рассматриваться как факты недоверия в отношениях сторон. Только жена аталыка могла изредка и на непродолжительное время привозить ребёнка в родительский дом на свидание с близкими. Когда же воспитаннику исполнялось 7–8 лет, его возил в дом отца сам аталык. В доме отца ребёнку старались не проявлять внешнего внимания, а аталыку напротив – оказывали подчеркнутое гостеприимство (*Гаджиева С.Ш.*, 1995. С. 29). Ограничение в контакте родителей с ребёнком объяснялось нежеланием «приучать ребёнка к дому», не вызывать у него привязанности к родителям. Можно предположить, что это делалось, чтобы не нарушать авторитета аталыка, чтобы он оставался для воспитанника единственным воспитателем, наставником, главой.

К моменту возвращения воспитанника в отеческий дом, отпрыск княжеско-дворянского рода должен был быть обучен военному делу, уметь обращаться с оружием, знать обычаи и этикет, уметь правильно вести себя согласно своему статусу на народных собраниях и разбирательствах. Все эти навыки были необходимы будущему управленцу и хозяину собственного семейства.

Говоря о заботе и содержании ребёнка в традиционной кумыкской семье, необходимо обратить внимание и на такой вопрос, как дифференциация воспитательного процесса как по полу, так и по возрасту. Особенно это касалось трудового воспитания. Исходя из этого, следует отметить, что у кумыков наблюдалось чёткое деление системы воспитания детей по половозрастному признаку. Это деление намечалось уже к семилетнему возрасту и обуславливалось характером труда: мальчики должны были заниматься мужской работой, а девочки – исключительно женской. Труднее было деление по возрастным группам, так как в этом случае было необходимо учитывать не только возраст ребёнка, но его физические возможности и психологические особенности.

Занятия девочек из крестьянских семей были более сложны и разнообразны. К 12–13 годам девочка уже должна была уметь шить, штопать, стирать, готовить, наводить порядок в доме и т.д. Однако если в доме была невестка, то вся основная женская работа отводилась ей, а девочка в таком случае выступала как помощница и скорее обучалась какому-либо делу, чем принимала в нём исполнительное участие.

Главным отличием занятий девочек-подростков высокого происхождения от аналогичного труда крестьянок было в том, что они сосредотачивались на декоративных деталях и тонкой работе, тогда как ремесло простолудинок было разнообразнее и грубее (*Текуева М.А.*, 2006. С. 131).

Помимо вышивки и декоративного шитья дворянская дочь должна была быть обучена этикету, обычаям своего народа, умению управлять домом – приглядывать за работой жён своих крепостных, которые прислуживают в хозяйском доме, выполняя женскую часть чёрной работы на скотном дворе (*Торнау Ф.Ф.*, 1999. С. 282).

Забота о детях в кумыкской семье сочеталась со строгой властью старших над младшими. Правда, в крестьянских семьях такая власть редко доходила до деспотизма, который наблюдался у княжеско-дворянского сословия (*Кешев Адиль-Герей*, 1976. С.141). «Не хвали излишне ребёнка: трудно будет его воспитать» (Яшны артыкъ макътама: кыйын болур сакълама) – гласит кумыкская пословица.

Как видно, существовала заметная разница в воспитании между крестьянскими семьями и семьями княжеско-дворянского сословия. Процесс воспитания был непрерывным, ребёнок воспитывался каждый день и каждый час. Воспитывает пример старших, воспитывает слово и дело, воспитывают сказки, народная мудрость и весь окружающий мир. Уроки жизни идут непрерывно. В этом смысле очень примечательны слова стотринадцатилетнего Дадыма Аргунова из аула Кошехабль Карачаево-Черкесии, приводимые в своей работе С.Х. Мафедзевым: «Воспитывать малыша, подростка или молодого человека – это значит, наблюдать за ними незаметно для них, чтобы это не задевало их самолюбия, постоянно держать их в поле зрения, заботиться о них и постепенно наводить их самих на то, чтобы и они сами заботились о других людях: младших, слабых, старших – опекать их, любоваться ими, гордиться, если они этого заслуживают, отмечать и совершенствовать их положительные склонности, развивать у них личную инициативу, умение вести себя в обществе, добиваться того, чтобы воспитанники походили на воспитателя или на идеал, который рисуют им, научить их быть сдержанными, но не трусливыми, скромными, но стойкими, храбрыми, но терпеливыми, а самое главное, чтобы они любили труд, были трудолюбивыми» (Архив КБИНФЭ. Материалы этнографической экспедиции 1981 года). Эти слова, несмотря на то, что сказаны об адыгском народе, на наш взгляд, очень точно подходят под описание методов воспитания кумыков.

Народные игры как форма трудового воспитания у кумыков

Кумыки придавали огромное значение физической силе, выносливости, храбрости и силе духа. Эти качества были необходимы как мужчине, так и женщине, поэтому огромная роль в трудовом воспитании у кумыков отводилась народным играм как форме физического и трудового воспитания.

Игра как социальный феномен возникла и развивалась на всём протяжении человеческого общества (Мафедзев С.Х., 1984. С. 72). Ещё великий мыслитель Платон рассуждал об обучении детей будущему ремеслу посредством игр: «...кто хочет стать хорошим земледельцем или домостроителем, должны ещё в играх либо обрабатывать землю, либо возводить какие-то детские сооружения... Самым важным в обучении мы признаём надлежащее воспитание, вносящее в душу играющего ребёнка любовь к тому, в чём он, выросши, должен стать знатоком и достичь совершенства» (Платон, 1972. С. 107).

Кумыкам, как и многим другим народам Дагестана, было свойственно поощрять копирование детьми трудовой, ремесленной деятельности старших. Так во многих семьях было в быту изготавливать для детей миниатюрные орудия труда: серпики для сбора травы, чтобы с матерью в поле не было скучно; миниатюрные копии кувшинов для 5–6-летних девочек, чтобы они могли вместе с матерью пойти за водой (Мусаева М.К., 2006. С. 132); при изготовлении хлеба или каких-либо других хлебных изделий мать зачастую давала кусочек теста маленькой дочери, чтобы та, глядя на мать, копировала во время игры её действия, тем самым приучаясь к труду.

Этнографами, историками, педагогами, психологами и другими изучающими игры специалистами, подтверждено, что игра составляла один из наиболее ранних и доступных методов, посредством которого ребёнок вступал в общение с внешним миром и непосредственным образом игра была связана с хозяйственными и производственными потребностями. Так А.С. Макаренко отмечал: «Как ребёнок играет, так и будет работать» (Макаренко А.С., 1948. С. 31). Из этого следует, что именно в игре закладывались первые трудовые навыки, умения, привычки и шло совершенствование трудового мастерства.

По поведению в игре ребёнка взрослые отмечали, каким он будет в будущем – легко ли сдаётся в борьбе, смел или труслив, инициативен или предпочитает подчиняться более сильным и т.д.

Игры могли быть логическими или физическими. В логических играх, как уже можно догадаться, проявлялась смекалка, ум и находчивость ребёнка. Это чаще всего были игры с загадками или ребусами, в которых каждый мог проявить себя находчивым и сообразительным. В физических играх тренировались тело и дух ребёнка – «В здоровом теле – здоровый дух» – учит народная мудрость, «Сильный духом не сломится» (Иелмеген бюгюлмес) – гласит кумыкская пословица. Лазание по деревьям, катание зимой на санках, купание летом в речке, игры в прятки, догонялки, всё это – лишь малый список всех детских забав, тренировавших ребёнка и готовивших его к будущей трудовой деятельности, требующей крепкое здоровье и физически развитое тело.

Подводя итог вышесказанному, можно сказать, что именно в игре развивалась сила ребёнка, тренировалось тело, ум, смекалка, вырабатывалось умение быстро реагировать, появлялась находчивость и возможность проявить инициативу. Во взглядах и представлениях кумыков о воспитании детей, как можно было заметить, внимание обращалось на здоровье, на формирование физических и духовных данных. Народная педагогика располагала самыми различными способами и средствами воспитания, стремясь вырастить всесторонне развитую и полноценную личность. Использовались такие методы воспитания, как: совет, одобрение, поощрение, убеждение, назидание, осуждение или наказание. За счёт устойчивости трудовых традиций, позволяющих использовать в совокупности все перечисленные методы воспитания, наряду с другими методами и средствами, такими, как: народные детские игры, знание этикета, традиций, народного календаря, непосредственное участие детей в труде и т.д., проходила социализация ребёнка в кумыкском обществе.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Архив КБИИФЭ. Материалы этнографической экспедиции 1981 года.
Буцковский А.М., 1812. Выдержки из описания Кавказской губернии и соседних городских областей // ИГЭД.

- Гаджиева С.Ш.*, 1995. Аталычество и побратимство в Дагестане (XVIII – начало XXвв.). Махачкала.
- Данилевский Н.*, 1846. Кавказ и его горские жители. Москва.
- Ефрон И.А.*, 1892. Энциклопедический словарь, Т. 13. СПб.
- Даль В.*, 1955. Толковый словарь, Т. 1. М.
- Ожегов С.И.*, 1953. Словарь русского языка. М.
- Кешев Адыль-Герей.*, 1976. Избранные произведения. Нальчик.
- Лобанов-Ростовский М.Б.*, 1846. Кумыки, их нравы, обычаи и законы // Кавказ. № 38.
- Макаренко А.С.*, 1948. Педагогические сочинения. М.-Л.
- Мафедзев С.Х.*, 1984. Очерки трудового воспитания адыгов (XIX – нач. XXвв.). Нальчик.
- Мусаева М.К.*, 2006. Традиционные обычаи и обряды Нагорного Дагестана, связанные с рождением и воспитанием детей. Махачкала.
- Ногмов Ш.*, 1959. История адыгейского народа. Нальчик.
- Ошаев Х.Д.*, 1929. Народные развлечения у чеченцев // Революция и горец. №6.
- Платон*, 1972. Сочинения: В 3-х т. Т. 3. Ч. 2. М.
- Секретная миссия в Черкесию русского разведчика барона Ф.Ф. Торнау, 1999. Нальчик.
- Текуева М.А.*, 2006. Мужчина и женщина в адыгской культуре: традиции и современность. Нальчик.